

ОПЕРАЦИЯ «БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ»

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

**Операция «Бременские
музыканты»**

«ЭКСМО»

2000

Гусев В. Б.

Операция «Бременские музыканты» / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2000 — (Дети Шерлока Холмса)

Жуткие дела творятся в Мрачном доме на краю тихого дачного поселка. Едва на землю спускается темнота, как из-за его стен доносятся душераздирающие крики, леденящий кровь вой и наконец обрывки разговора... об отрубленной голове!!! Страшно? Не то слово! Но Дима и его брат Лешка не робкого десятка и полны решимости раскрыть тайну зловещего дома и его обитателей. «Как же это сделать?!» — размышляют отважные братья и совершенно случайно вспоминают всем известную сказку...

© Гусев В. Б., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валерий Гусев

Операция "Бременские музыканты"

Глава I

МРАЧНЫЙ ДОМ НАД ОВРАГОМ

Лето выдалось очень жаркое. И грозовое. Но от этих гроз никакой свежести не прибавлялось. Пронесется горячий ливень и тут же от палящих солнечных лучей превращается в удушливый пар над асфальтом. И становится еще жарче.

– Нет, – сказала мама, – мы в этом климате не выживем. Нужен свежий воздух. – И она строго посмотрела на папу: – В конце концов, у нас есть дача или нет?

– Она как бы есть, – ответил папа, выглянув из-за газеты, – но ее как бы и нет.

И он был бесконечно прав. Еще несколько лет назад ему дали на работе садовый участок. Мы туда съездили, и нам очень понравилось. На участке росли три маленькие березки и зеленая трава.

Мы немного помечтали под березками: вот здесь построим дом, вот тут выроем пруд, и у нас будет своя купальня с карасями и лягушками, а вот здесь вырастет кружевная беседка, и мы будем в ней теплыми дружескими вечерами пить чай из самовара. А вокруг будут щебетать птицы, и мелькать ласточки, и гудеть тяжелые майские жуки...

Шли годы, а на участок мы не ездили. И ничего там не строили. То не было времени, то не было денег. И когда мама вдруг вспомнила, что у нас «как бы есть дача», то оказалось, что на даче нет ни дома, ни беседки, ни даже карасей в пруду, потому что и пруда тоже не было. А были все те же три березки, только уже очень большие, трава по пояс и жуки с лягушками. А вокруг участка возвышались заборы соседей и разные дачные строения. То есть нашей дачи «как бы и нет».

– Ну и что? – бодро сказал папа. – Построим шалаш, самовар возьмем у бабушки, а карасей Алешка в карьере наловит. – И посмотрел на маму: – Согласна? Здесь очень много свежего воздуха.

Мама вздохнула. Тяжело и безнадежно.

– Я лягушек боюсь.

– Ничего, привыкнешь, – сказал Алешка. – Постепенно. Я тебе их полный салаш наловлю.

Но обошлось без «салаша». Папа принес с работы здоровенную армейскую палатку. Мы установили ее под березами. Получилось очень красиво и романтично. Будто какие-то бродяги поселились. В цыганском шатре.

Мы расставили раскладушки, застелили их матрасами и одеялами – и готова дача. Соседи в своих деревянных теремах и каменных особняках все время нас жалели. Но они горько ошибались. В такое жаркое лето наша палатка – лучший дом. Днем мы поднимали ее боковые стенки, и она продувалась насквозь сквозняками. Папа даже ухитрился в такую жару простудиться и подхватить насморк.

Когда насморк у него прошел, он привез с работы маленький холодильник.

Мама ему очень обрадовалась. Особенно когда дачный сторож Пал Данилыч провел в палатку электричество.

А потом папа привез с работы маленькую газовую плитку с баллонами, и мама обрадовалась еще больше, потому что до этого мы готовили пищу на костре под березами.

– Если бы я не знала, что ты служишь в милиции, – сказала мама, – я бы подумала, что ты заведешь вещевым складом.

– У нас в милиции все есть, – похвалился папа.

– Мне бы еще стиральную машину, – несмело пожелала мама, – небольшую.

– Я поищу, – пообещал папа, разворачивая газету. – Где-то в столе завалялась.

Устроившись на своей прекрасной даче под березами, мы стали знакомиться с окрестностями и их достопримечательностями.

Самой главной достопримечательностью был дачный сторож Пал Данилыч. Он был очень интересный человек. Он жил на самом краю нашего дачного поселка и каждый вечер делал его обход со своей командой. А в команде было три собаки невероятных пород, толстый сурок Ганя и три пестрых кота.

Впереди всегда шли собаки. Гуськом, морда в хвост. За ними шагал сам сторож с Ганей на руках, который, сложив передние лапки на брюшке, строго и задумчиво заглядывал в чужие огороды. А сзади, замыкая торжественное шествие, маячили над густой травой, как перископы подводных лодок над волнами, три задранных драных кошачьих хвоста.

Жители поселка к этому времени всегда собирались у своих штакетников и калиток и провожали веселыми взглядами эту невозмутимую команду.

А через два дня, как мы сюда приехали, к ней присоединился и наш Алешка, заняв свое место в строю сразу за Пал Данилычем. Потому что Лешка очень любил животных – жить не мог без них. И наоборот.

И вот что получилось из этих безобидных прогулок и дружеских отношений.

Как-то вечером мама приказала нам собрать на участке накопившийся мусор и безжалостно сложить из него костер.

Мы сидели возле огня, болтали о всякой ерунде и не заметили, как стемнело.

Костер догорел. Посвежело. Все кругом стихло. Только иногда в каком-нибудь доме звенела посуда или взлаивала собака.

Алешка их всех узнавал по голосам:

– Это Шарик. Это Гвоздик. А взвизгнул Зонтик. Ему Петюня опять на хвост наступил.

Этот шестилетний Петюня тоже своего рода достопримечательность. У него будто в жизни всего две цели: кому-нибудь на хвост наступить и в чужой огород залезть.

И тут вдруг, когда смолк обиженный Зонтик, раздался в тишине зловеющий вой.

– А это кто? – привстал Алешка и предположил с надеждой в голосе:

– Может, волк?

– Какие здесь волки? – огорчил его я.

– У старого дома воеет, – шепнул Алешка.

Мы пригляделись. На краю поселка, прямо над глубоким оврагом, высился недостроенный каменный дом. Он был почти трехэтажный и походил на развалины старинного замка. Наверное, потому, что у третьего этажа было только две неровно сложенных стены.

Сейчас его мрачные руины были хорошо видны на светлом фоне закатного неба.

– Это плохой дом, – таинственно сказал Алешка, когда затих загадочный вой. – Мне Пал Данилыч говорил.

– А чего в нем плохого? – удивился я. – Недостроенный только. Ну и что? Приедут новые хозяева и достроят.

– Не получится, – уверенно заявил Алешка. – У этого дома уже три хозяина было. И он им всем несчастье принес.

– Будет глупости болтать! – рассердился я на правах старшего брата.

– Смотри! – Алешка опять вскочил и схватил меня за рукав.

Вот это да! В развалинах третьего этажа вдруг появился слабый свет, будто от карманного фонарика. Он пометался туда-сюда, погас на мгновение и снова появился, но уже в окнах второго этажа. А потом спустился на первый и исчез, наверное, в подвале.

Все это было немного жутковато, но я беззаботно махнул рукой:

– Подумаешь! Новый хозяин приехал. Дом осматривает.

– Ага! – усмехнулся Алешка. – Дом осматривает. Ночью, с фонарем. Что-то тут подозрительное. Сбегаем, посмотрим? И Пал Данилычу надо сказать.

Мне очень не хотелось на пороге полночи подкрадываться к этому мрачному дому, где неизвестно кто бродит с фонарем, и я опять махнул рукой:

– Бомжи какие-нибудь ночлег ищут. Вот и все!

– Боишься? – прямо спросил меня младший брат. – Так и скажи.

Так я не сказал. А сказал совсем наоборот:

– Пошли!

Мы предупредили маму, что идем прогуляться перед сном.

– Только недолго, – сказала она. – Сегодня папа должен приехать.

И мы пошли к мрачному дому. Поселок уже готовился ко сну. Становилось все тише, все меньше светилось окон. Звякнет ведро, стукнет дверь – и опять тишина.

Мы подкрались к самому оврагу, из которого поднимался холодный туман, и спрятались за большим деревом.

Вблизи этот дом казался еще мрачнее. Зловещие в темноте стены, черные провалы окон, узкие щели подвала, в которых то и дело мелькал огонек.

– Привидение какое-нибудь, – прошептал мне в ухо Алешка.

Любит он побояться! И других поугаать.

А туман между тем тихонько и коварно подползал все ближе. И даже начал заволакивать первый этаж. И полз все выше.

– Вон оно! – прошептал Алешка. – Привидение!

И точно. Из низкой подвальной двери вышел человек. С фонариком. Фонарик он погасил и сразу же растворился в тумане. Но я все-таки успел его отчасти разглядеть. Он был высокий и немного прихрамывал. И что-то в его силуэте показалось мне знакомым.

– Где-то я его видел, – шепнул Алешка, когда таинственный незнакомец растворился в холодном тумане. – Монстр какой-то.

Насмотрелся братец ужастиков. Теперь всю ночь брыкаться будет. А утром свои страшные сны рассказывать.

Немного напуганные, мы вернулись под родной кров. Там нас уже ждали родители. В том числе и папа. Он только что приехал и сразу стал расспрашивать нас о наших делах. И мы ему рассказали обо всем, кроме загадочных событий возле Мрачного дома.

А утром помчались к Пал Данилычу. Вся его команда встретила нас во дворе. Даже Ганя вылез из своего ящика, постоял торчком со сложенными на брюшке лапками, свистнул и, важно переваливаясь на ходу, вернулся на место.

– Пал Данилыч, – сказал я, – вчера кто-то по старому дому бродил. С фонарем.

– Небось новый хозяин. Не терпится ему. – Пал Данилыч не обеспокоился. – Я тебе скажу, парень: от этого дома все равно толку не будет. Несчастливый он. Всех его ранних хозяев в тюрьму позабирали. И этого тоже посодют.

Во дает! Распорядился!

– Нынче заселяться будут, – продолжал сторож, выбирая репы из густой шерсти своего пса Разбоя. – Надо им свет провесть.

Не получив никакой информации, кроме мрачного пророчества, мы вернулись домой.

А в середине дня и правда в поселок въехали черная иномарка с черными стеклами и длинная фура. Мы, конечно, подобрались поближе к дому, и когда из легковушки вышел его новый хозяин, предложили ему свою помощь.

– Вот уж ни к чему! – высокомерно отказался он. – У меня своих людей достаточно.

На вчерашнее ночное привидение он совсем не был похож. Низенький, крепенький, как грибок, и не прихрамывает. Кто же тогда там бродил?

Мы еще немного постояли, поглазели, как выгружают фуру, пока нас не прогнали, и пошли обедать.

По дороге Лешка сказал:

– Какой-то странный у них переезд.

– Ты о чем? – не понял я.

– Мебели почти не привезли. Одни какие-то коробки. На чем они жить-то будут? Ну, сидеть, лежать. На коробках?

Да нам-то какое дело? Мы и сами на одних раскладушках живем.

Но мы еще не знали, что с этой минуты оказались в самом центре загадочных и опасных событий. Что с этой минуты началась, как писали в старых романах, «история, леденящая кровь».

А дня через два, когда мы отправились в овраг, чтобы набрать там по приказу мамы щавеля к обеду, произошла ужасная вещь.

Мы проходили мимо Мрачного дома. Первый этаж у него уже выглядел нормальным – даже занавесочки появились и трепетали под ветром в распахнутых окнах.

Из одного окна доносился до нас какой-то сердитый разговор. Даже больше похожий на ругань и угрозы.

И мы уже почти прошли мимо, как вдруг в доме раздался дикий крик, полный боли и ужаса:

– Не надо! Не надо! Я ничего не скажу!

А потом – тишина. И кто-то спросил густым голосом:

– Это все?

И ему кто-то мрачно и хрипло ответил:

– Да, это конец.

– Неплохо...

Опомнились мы уже на дне оврага. Под густым кустом. Спрятались.

– Надо в милицию сообщить, – сказал Алешка. – Может, они кого-то там убили. Или пытали! – Он широко распахнул глаза. – Ну и домик!

– Пошли, – согласился я.

Мы выбрались на другую сторону оврага и направились в поселок, в милицию. Но нам повезло – почти сразу мы встретили по дороге нашего участкового. Он был молодой и веселый. Правда, еще неопытный. Мы с ним уже были немного знакомы.

– Вы куда, братцы? – спросил он нас с улыбкой.

– Мы к вам, – ответил я.

– Что-нибудь случилось?

– Мы правда не знаем... Но в этом доме, в недостроенном, что-то нехорошее произошло...

– Так. А конкретнее? – Участковый перестал улыбаться и насторожился.

– Там кто-то кричал. Будто его убивают. А потом кто-то говорит: «Это конец!» И все стихло.

Участковый нахмурился. И решительно сказал:

– Пошли. Проверим. Когда это произошло?

– Только что. И мы сразу в милицию побежали.

– Правильно сделали. – Участковый шагал широко и решительно. Мы едва за ним поспевали.

Недалеко от дома он переложил пистолет из кобуры в карман и сказал:

– Зайдем все вместе. Будто просто так.

Дверь нам открыл новый хозяин. И больше в доме никого не было. А кто же здесь орал и разговаривал?

– Добрый день, – вежливо поздоровался наш милиционер и представился: – Участковый инспектор Ростовцев. Зашел познакомиться. Такой у меня порядок. А это мои помощники. – И показал на нас.

– Здравствуйте, – ответил хозяин и наклонил голову: – Грибков Степан Андреич. Заходите. Милости прошу. А с молодыми людьми мы уже немножко знакомы.

– Хороший дом будет, – похвалил участковый, осматриваясь. – Руки приложить – дворец получится.

– Мне тоже нравится, – усмехнулся Грибков. – Что-то в нем есть романтическое.

– А можно посмотреть? – Участковый не скрывал своего любопытства. – Я ведь тоже строиться собираюсь.

И мы обошли весь дом, глаза по всем сторонам. Но нигде не было следов пыток, луж крови и спрятанных трупов.

Даже мебели почти не было – только какая-то дачная: складные стулья, столик и тряпчоное кресло.

Показывая нам комнаты, хозяин все время посмеивался, будто знал что-то такое веселое. И наконец раскрылся.

– Товарищ инспектор, – улыбнулся он, – не будем взаимно хитрить. Вас, наверное, соседи вызвали? Так? Решили, что в моем доме что-то произошло?

Участковый кашлянул и сознался:

– Примерно так. Сообщили, что в доме слышны ужасные крики. Вы уж извините, но мой долг – проверить поступивший сигнал.

– Да, я все понимаю и не в обиде на вас. И все вам объясню. – Грибков говорил немного смущенно, будто банку варенья украл у своей любимой бабушки. – Просто и доходчиво: я большой любитель всяких ужасиков на видео. Такая уж у меня слабость. И видно, увлекся, включил звук на полную громкость. Обещаю впредь не нарушать тишину дачной местности.

Участковый покраснел и посмотрел на нас. Он извинился и попрощался. А когда мы вышли на улицу, сказал недовольно:

– Ну и оконфузили вы меня! Шерлоки Холмсы!

– Мы не нарочно, – стал оправдываться я. – Мы думали – что-то случилось...

– Мы больше не будем, – пообещал Алешка.

И оказался прав. Больше мы к участковому не обращались. И довели это дело до конца своими силами.

Расставшись с участковым, мы вспомнили мамин приказ и опять пошли в овраг. Собирая в пакет щавель, я тоже упрекнул Алешку:

– Все ты! «В милицию! В милицию!» Сами опозорились и человека подвели.

– Даже двух, – как-то странно усмехнулся Алешка. – Хозяина тоже.

– Вот именно! Преступление раскрыли! Смешно и стыдно!

Алешка сидел на корточках и уминал кулаком щавель в пакете. А потом поднял голову, опять как-то странно взглянул на меня и сказал:

– Совсем не смешно, Дим. Ты не заметил, что во всем доме не было ни видака, ни телевизора?

Глава II

ВОТ ЕЩЕ НОВОСТИ!

Эти слова меня как по башке ударили. Ведь верно – во всем доме никакого телевизора не было, там вообще не было ничего «жилого». Даже мебель какая-то несерьезная. Мы вон в палатке живем, и то у нас быт налажен, даже щавель собираем. Правда, телевизора тоже нет, но он нам и не нужен – брехло такое... А здесь-то! Такой дом! Такие этажи со стенами! А телевизором и не пахнет.

Но кто же тогда орал? Будто ему пятки прижигали. Или крысу под нос совали. Я такой страшный крик уже лет восемь не слышал. С тех пор, как мы все вместе маленького Алешку купали. Когда он в кастрюлю с тестом сел.

Вот так дела! Хоть участкового догоняй. Ну уж нет! Хватит с нас позора!

И я спросил Алешку:

– А ты думаешь, что?..

– А я ничего не думаю. – Он поднялся во весь свой малый рост и отдал мне пакет со щавелем. – Только врет он все, понял?

Понял... Еще как... До самого дна... Где скрыта истина...

И мы, цепляясь за кусты, выбрались из оврага, обошли подальше стороной этот Мрачный дом, полный загадок, и пошли домой.

Мама встретила нас с распростертыми объятиями:

– Ну где же вы шляется? Ничего вам нельзя поручить! Сейчас папа приедет, дом нам привезет, а у меня обед не готов.

– Какой дом? – удивились мы.

– Какой, какой... Жилой! Хозблок называется, вот! Не все же нам в палатке жить. – И мама, забрав у нас пакет со щавелем, сердито скрылась в палатке.

А мы хмыкнули так, что с березы сорвались и умчались с испуганным карканьем вороны.

Хозблок... Это только название такое солидное. А на самом деле это просто сарай для всякого садового барахла.

– Что вы там кашляете? – донеслось из палатки. – Папе за его ранение премию дали. Как раз на дом хватило. – И мама честно поправилась: – На хозблок.

Вот еще новость! Нам и в палатке неплохо. Мы уже к ней привыкли. Она уютная и так хорошо пахнет, когда ее солнце припекает. А ранним утром на нее роса ложится, и так свежо становится внутри. А уж когда она под ветром трясется, лучше ничего не бывает. Просыпаясь – и будто в шторм на паруснике терпишь бедствие посреди бескрайнего океана.

– Что вы столбом стали? – Мама приветливо высунула голову из палатки. – Сходите за водой и у тети Клавы яйца заберите, она обещала.

– Чур, я за водой! – выкрикнул Лешка и схватил ведро. Он к тете Клаве боялся ходить из-за ихнего петуха. Алешка вообще-то со всеми животными ладил, но этот петух никакой дрессировке не поддавался и никаких слов не понимал. Только хорошей палки и слушался.

Этого петуха все боялись, кроме Пал Данилыча. Он был похож (петух, а не Пал Данилыч) на гусарского генерала, весь в разноцветных перьях, и шпоры как сабли. Любимое его занятие – сражение. Все равно с кем. Я один раз даже видел, как он нападал на стоящий у забора мотоцикл.

Пришлось к тете Клаве идти мне. Она жила на соседней улице. Я подошел к забору, остановился и позвал погромче:

– Теть Клав! Здравствуйте!

– Чего орешь? – послышалось совсем рядом, где-то внизу, и появилась тетя Клава в купальнике. Она загорала у самого забора на резиновом матрасе. – А! Ваську моего боишься? – Она засмеялась. – Сейчас принесу. – И пошла в свой курятник, из которого снабжала яйцами весь наш поселок. – А я вот его не боюсь. Он меня любит. – И заорала: – Ты что! С ума сошел!

Тетя Клава вылетела из курятника с кошелкой яиц и побежала к забору. Васька, нахотившись и опустив крылья до земли, злобно гнался за ней, пытаясь клюнуть в голую пятку.

Пробегая мимо меня, тетя Клава сунула мне в руки кошелку и помчалась дальше. Васька за ней. Она кинулась от него в туалет. А он взлетел на его крышу, похлопал крыльями и прокукарекал изо всех сил, как победитель в бою. Справился!

Васька был очень доволен. Потому что сражаться ему удавалось нечасто. Все заранее обходили его стороной, потому что он бросался в бой без предупреждения.

Забрав кошелку с яйцами, я пошел домой. У нашего участка уже стоял длинный грузовик, и рабочие сгружали с него всякие деревянные щиты, рамы, доски и рулоны рубероида.

Вот еще новости! Я-то думал, что этот хозблок привезут в сборе. А это конструктор какой-то.

Посреди участка стоял гордый папа и указывал, куда что складывать. Алешка все еще с пустым ведром торчал рядом и с недоумением за всем этим наблюдал.

Я сдал яйца маме и пошел за водой. А когда вернулся, машина уже уехала, а папа держал в руке какие-то бумажки и рассматривал их с интересом. И даже немного с опаской. Алешка подпрыгивал рядом, пытаясь тоже в них заглянуть.

– Сэкономил, – гордо сказал папа, потрясая бумагами. – Знаешь, сколько они за сборку берут? Жуть! А мы вот сами соберем, по этой толковой инструкции. А что? Не сообразим, что ли? – Тут и мама подошла. – Да у нас у всех образование. У нас с мамой в сумме три высших. А у вас с Алешкой в сумме почти что одно среднее...

– Правда, так себе, – заметила мама. – Могло бы и получше быть.

– Справимся! – Папа был страшно горд, что привез для нас жилой дом в виде хозблока, да еще сэкономил на его сборке. – Так: молоток, ножовка, рулетка! Вперед, друзья!

– Так, – уточнила мама. – Миска, кружка, ложка! Руки мыть! Обедать!

– Тоже неплохо, – согласился папа, с облегчением засовывая инструкцию в карман куртки.

По-моему, он не очень-то в ней разобрался, больше храбрился перед нами. Чтобы отцовский авторитет не потерять.

И вот настал час сборки. Мы усадились на траве в кружок, папа разложил листы инструкции.

– Так, так, – бодро приговаривал он, бегая по ней глазами и водя пальцем. – Все ясно и просто. Это блоки для фундамента, мы их вон там разложим, на травке, под березкой. На них – вот эти балки, на балки – пол. Потом собираем стены, вписываем окно и дверь, накрываем крышу и... И ночуем сегодня «под крышей дома своего». Ура?

– Ура, – недоверчиво пискнул Алешка. А я подумал, что ночевать «под крышей дома своего» мы будем не сегодня, а недели через две. Неделю будем разбираться в чертежах, а неделю – собирать по ним этот самый хозблок. Конструктор загадочный.

Правда, сначала все было действительно «ясно и просто». На травке, под березкой, рядом с палаткой мы разложили бетонные блоки – получилось очень красиво: шесть камней среди природы. Уложили балки и настелили из готовых щитов пол.

Ну и дальше все вроде бы шло ладом. Папа не отрывался от схемы и командовал, не поднимая головы. Алешка тоже смотрел в чертежи, только вверх ногами, и поправлял папу. А я работал по их противоречивым указаниям.

Когда мы собрали и возвели стены, из палатки вышла мама:

– Скоро ужин, – сказала она и вдруг нахмурилась: – А это что такое? – Ее взгляд удивленно остановился на почти готовом «жилом доме».

Мы даже растерялись. Ожидали безмерной похвалы, а нарвались на крутое порицание. И главное – за что?

Оказывается, было за что...

Мама все шурилась и хмурилась, недоуменно рассматривая наше строение, а потом спросила:

– А почему в дверях такой порог высокий?

Действительно – почему? Порог и в самом деле получился великоват – Алешке по макушку.

Мама с папой уткнулись в чертежи, едва не стукнувшись лбами, и стали спорить. Сначала жаростно, а потом все тише и тише, и вдруг вообще замолчали, уставились друг на друга.

Папа нарушил молчание первым:

– Твоя работа, Алексей, ты виноват. Ты на чертеж все время вверх ногами смотрел.

Алешка не растерялся:

– А у тебя два высших образования. А у меня только начальное, да и то – так себе.

Они еще помолчали, подумали, и вдруг оба, словно сговорившись, повернулись ко мне, как солдаты по команде «Равняйся!».

И я тут же почувствовал: виноватого нашли. И не ошибся.

– А ты куда смотрел, сборщик? – спросил папа.

– Никуда, – я пожал плечами. – Что вы говорили, то и делал. Что-нибудь не так получилось?

– Не так... – вздохнул папа.

А Лешка прямо сказал:

– Ты этот хозблок вверх ногами собрал.

Мама ахнула:

– С ума сошли? Строители!

– Да ладно, – отмахнулся Алешка. – Так даже интересней получилось. А к порогу лестницу пристроим – и все.

Папа обрадовался и добавил:

– Будет трап. Как на корабле. Здорово, да? – и повернулся за поддержкой к маме.

Но поддержки от нее не получил.

– Очень здорово, – сказала мама. – Я вам тогда и тарелки с кашей на стол вверх ногами буду ставить. Переворачивайте на место! – прикрикнула она и сердито скрылась в палатке.

Папа поскреб затылок, Алешка хмыкнул, а я взял гвоздодер и начал разбирать постройку.

На следующий день мы все-таки собрали наш хозблок. На этот раз не вверх ногами и не на боку. Маме понравилось. И она сразу устроила новоселье.

Мы перетасили из палатки раскладушки, плитку и все остальное имущество. А мама даже отвоевала себе полочку и поставила на нее своего любимого игрушечного гномика, которого мы когда-то подарили ей на день рождения. А папа поздравил нас, похвалил за хорошую работу и сказал:

– А это вам премия!

Тут я так ахнул, а Лешка так взвизгнул, что чуть нам опять не пришлось собирать наш новый дом по частям. Потому что папа достал из сумки желтый кожаный футляр, а из него – настоящий большой бинокль.

Оказывается, ему подарили этот бинокль на работе. За успешную операцию по обезвреживанию международной банды каких-то жуликов. Именно в этой операции папе и повредила ногу бандитская пуля.

– Вообще-то, – сказал он, – я хотел отдать бинокль маме. Чтобы она всегда знала, где вы шляетесь и чем занимаетесь.

– Вот еще, – усмехнулась мама. – Я и так все про них знаю. Они, например, крутятся возле этого недостроенного дома. Привидения ловят.

– Вот как? – Папа как-то странно взглянул на нас. – И что там интересного?

Пришлось рассказать.

Особенно папу заинтересовали вовсе не вопли в доме, а прихрамывающий человек с фонариком.

– Что же он там делал? – с задумчивой улыбкой спросил папа. То ли нас, то ли себя самого.

– Клад искал, – сказал Алешка, не выпуская из рук бинокль.

– Очень может быть, – неожиданно согласился папа. – У этого дома сложная биография. Я кое-что об этом слышал. Пятнадцать лет назад его начал строить один директор магазина. Кажется, по фамилии Громов. Но достроить не успел, его посадили в тюрьму за разные махинации. Дом конфисковали и решили кому-нибудь продать. А Громов, когда его уводили, сказал: «Тот, кто купит этот дом, очень об этом пожалеет!»

– И что? – Мы слушали очень внимательно.

– Так и случилось. Дом купил и стал достраивать один кооператор – ну, это как сейчас «новые русские». Очень скоро он тоже проворовался и отправился следом за Громовым.

– А дальше?

– А дальше дом купил владелец какой-то фирмы.

– И тоже проворовался? – спросил я.

– Да. Он провернул какое-то дело, связанное с контрабандой, и тоже...

– Отправился следом за ними?

– Так что у этого дома уже четвертый хозяин. Господин Грибков.

Тут и мама заинтересовалась разговором:

– И ты считаешь, что и его ждет та же участь?

– Откуда мне знать? – пожал плечами папа.

А я подумал, что он хитрит. И знает гораздо больше.

– А чем он занимается? – спросила мама.

– По-моему, видеокассетами торгует.

– И чего же он там орал как резаный? – спросил Алешка.

– От страха за свое будущее, – сказала мама. – Я бы ни за что в таком доме не стала жить. Я бы тоже.

Наш новый дом нас вполне устраивал. Никто в нем до нас не жил, над ним не тяготело никакое родовое проклятие, нашлось у него и еще одно преимущество – у дома был чердак.

Когда мы с Алешкой туда слазили, то очень его оценили. Такой укромный, недоступный, с отдельным входом – по приставной лестнице через узенькое окошко. А из этого окошка был виден весь наш дачный поселок во главе с Мрачным домом.

И мы в один прекрасный вечер изо всех сил заныли за ужином о том, как нам хочется иметь свою комнату.

– Хотеть не вредно, – сказала мама, думая о чем-то своем. – Хоть две хотите. Если найдете.

– Мы уже нашли. Нам чердак нравится.

– Там может жить только кошка, – грустно сказала мама.

– И Лешка, – весело сказал папа.

– И Дима, – ехидно сказал Алешка, – на четвереньках.

Вопрос был решен. Мы забрали со своих раскладушек матрасы, одеяла, бинокль и переселились на чердак. Где получился прекрасный наблюдательный пункт. Безопасный к тому же.

И уютный. Только в дождь там было очень шумно. Будто сидишь под мостом, по которому изо всех сил грохочет тяжеленный железнодорожный состав.

И на нашем чердаке мы проводили больше времени, чем на свежем дачном воздухе.

– Что они там все время торчат? – как-то раз забеспокоилась мама.

– Да хочется ребятам иметь свой угол. Свои тайны.

Угадал папа. Тайны у нас появились. Потому что мы не спускали с этого дома глаз. Вернее, бинокля. И по очереди наблюдали за домом и его обитателями. За их сложной и загадочной жизнью.

А загадок становилось все больше и больше...

Глава III

ПОДОЗРИТЕЛЬНО И ТРЕВОЖНО

Этот самый Грибков, который тащился от ужастиков, в доме, оказывается, не очень-то и жил. Он приезжал раза два в неделю, выходил из машины, входил в дом и... исчезал.

И как мы ни старались, никак не могли понять, куда он девается. Окна раскрыты, ветер отдувает занавески – в бинокль хорошо просматриваются все комнаты... А Грибкова нигде нет.

Часа через два-три он появляется в большой комнате, садится за дачный столик на шатких ножках и никаких ужастиков не смотрит. А долго пьет пиво, тыкает пальцем в калькулятор и что-то записывает в толстую тетрадь в черной обложке.

Потом – откуда ни возьмись – появляются еще двое, толстый и тонкий, оба в темных очках и в длинных цветных трусах. Поговорят с Грибковым, посмотрят в его тетрадь. А потом выходят из дома, забирают из машины коробки. В бинокль хорошо видно – с пивом, с водой и с пельменями. Уносят их в дом. А чуть позже несут эти коробки обратно и аккуратно укладывают в машину. Грибков садится за руль и уезжает.

Ничего не поймешь. А непонятное всегда тревожно. Ну зачем, скажите, одни и те же коробки таскать взад-вперед?

А один раз мы видели, как Грибков отсчитал им пачки денег. Это за то, что они коробки из машины вытащили?

Но самое странное – когда уезжает Грибков, дом вообще замирает. В нем не горит свет по вечерам, закрыты окна, будто никого там нет. А где же эти двое? В очках и трусах? Куда они деваются?

Отчасти наши сомнения разрешил Пал Данилыч во время традиционного вечернего обхода. Разговор завел я, а Лешка обменивался приветствиями с его зверями, которые в нем души не чаяли.

– А чего? Он там и не живет. У него дача в другой местности.

– А кто же там живет?

– Это, я тебе скажу, парень, вроде как охрана. Сторожат вроде. А чего там сторожить? Стула приличного не привезли.

– А чего-то их не видно.

– Не видно, – Пал Данилыч сердито хмыкнул. – Он их в комнаты, Грибок этот, не пускает. Они в подвале живут.

– Ничего себе!

– А чего? Подвал хороший. Большой, сухой. Свет есть. Чего еще? Он им пиво привозит.

– И обратно увозит, я видел.

– Это, я тебе скажу, парень, бутылки пустые, банки.

Чушь какая-то. Но кое-что прояснилось. И когда Алешка распрощался со своими друзьями, я рассказал ему о разговоре с Пал Данилычем.

Он рассеянно выслушал меня, потому что смотрел вслед зверям, которые тоже все время оборачивались на него и махали ему хвостами, и сказал:

– Все ясно. Они там водку подпольную делают. Он им пустые бутылки привозит, они их заливают – и обратно в город, на рынок.

– Участковому скажем?

– Хватит уже. Говорили.

Да, еще раз позориться не хотелось. А вдруг там ничего такого не делают? И все объясняется очень просто. Это еще наш любимый Шерлок Холмс заметил. Он говорил, что некото-

рые факты всегда могут сложиться так, что будут чрезвычайно загадочны. А на самом деле все объясняется очень просто, и они «не таят в себе никаких преступлений».

Забегая вперед, скажу, что Лешка был довольно близок к истине, но действительность оказалась куда ужаснее.

Наступил летний вечер. Мы сидели в семейном кругу возле своего нового дома и мирно беседовали.

На небе сияли звезды. За Мрачным домом поднималась багровая луна. Звенели комары, и квакали лягушки.

Трава была влажная от росы. Роса даже капала тихонько с листьев березы. Было прохладно и очень хорошо.

Мама, притулившись к папиному плечу, сказала мечтательно:

– Хочется, чтобы такой вечер никогда не кончался.

Алешка, притулившись к маминому боку, сказал ворчливо:

– И всю ночь не спать, да? До завтрашнего вечера?

– Ты совершенно неромантичный человек, – обиделась мама. – Ты лишен полета фантазии.

Как все-таки родители, даже самые хорошие, ошибаются порой в своих детях. У Алешки насчет фантазии как раз все в порядке. Даже, я бы сказал, большой перебор.

– Я тоже лишен фантазии, – зевнул папа. – Особенно, когда комары кусаются. – И звонко шлепнул себя по щеке.

– Завтра за водой надо сходить, – романтично помечтала мама. – И баллоны для плитки поменять.

– У меня завтра выходной, – стал отнекиваться папа, – мне отдохнуть нужно. А у детей каникулы. Им все равно делать нечего.

И тут ночную тишину разорвал дикий звериный вой. Я даже отскочил от Алешки, потому что в первый момент мне показалось, что это он взвыл от такой несправедливости.

А вой поднялся до невыносимой ноты и резко оборвался. Где-то возле Мрачного дома.

– Ого! – сказала мама. – Дичаем. – Она, видимо, тоже решила, что завывали мы с Алешкой. Или папа.

– Это не мы, – сказал папа. – Мы так не умеем. Это собака Баскервилей. Ну-ка, Алексей, принеси бинокль.

– Лучше ружье, – сказала мама и еще теснее прижалась к папе.

Мы тоже удивились – какой толк от бинокля в ночной темноте?

Но, оказывается, бинокль был непростой. У него было устройство для «ночного подглядывания», как сказал Алешка.

– Ночного видения, – поправил папа, повернул бинокль в сторону Мрачного дома и долго его рассматривал.

А мы долго переглядывались. Потому что сразу сообразили, какие получили преимущества для наблюдения. И когда забрались на свой чердак, постарались тут же их использовать. Но толку вышло очень мало – Мрачный дом затаился. Ничего не видно интересного ни внутри, ни снаружи. Только на соседнем участке мы разглядели хитреца Петюню, который под покровом ночи забрался туда за чужой клубникой.

– А кто у них воет, как ты думаешь? – спросил Алешка, когда мы убрали бинокль в футляр и забрались в постели. – Может, правда, какая-нибудь дикая собака в подвале?

– А чего ей там делать? – спросил я.

– Охранять.

– Если бы она там была, мы бы ее давно уже увидели, гулять-то ей надо.

– А кто ж воет? – опять мы вернулись к тому же вопросу.

- Крокодил, – слышался снизу недовольный папин голос.
- Два крокодила, – сонно добавила мама. – Дима и Алеша.

Так ничего и не придумав, мы уснули, а проснувшись, начали думать с того же места.

– А давай, – предложил Алешка, – притворимся, что нам перед ним стыдно. Приедет этот Грибков, а мы придем к нему извиняться за то, что участкового на него натравили, а сами что-нибудь выведем.

Я согласился – в этом был резон.

И вот в ожидании Грибкова мы весь день вертелись вокруг Мрачного дома. И даже днем он производил плохое впечатление – ни дать ни взять развалины старого замка, в которых воют хромые привидения.

После обеда мы осмелели настолько, что перелезли через забор и подкрались к подвальному окну. Оно было без стекла, но завешено изнутри чем-то плотным, вроде одеяла. И за этим одеялом что-то слышалось. Какое-то бормотание, какая-то тревожная музыка, и вдруг детский испуганный голос звонко завизжал по-английски. Моих знаний вполне хватило, чтобы понять его:

– Папа, папа, там какие-то монстры играют в футбол дедушкиной головой!

На что папа мрачно ответил:

– Так ему и надо. Он был при жизни порядочным скрягой.

Лешка дернул меня за рукав, взволнованно требуя перевода.

– Не слабо, – выдохнул он, когда я передал ему смысл английского разговора. – Откуда они взялись?

Я уже ничего не понимал. Пацан какой-то, англичанин. Папаша его злобный. Дедушка без головы. Монстры... Бред кошачий.

Единственное, что я понял ясно, – это то, что надо поскорее удирать. Пока эти монстры и до нас не добрались. Лешка, по его глазам видно, был того же мнения.

Мы отползли от окна, короткими перебежками достигли забора и взлетели на него не хуже тети-Клавиного петуха Васьки.

Едва мы отбежали от Мрачного дома на безопасное расстояние, как в конце улицы показалась машина Грибкова. Мы переглянулись. Во сейчас будет! Он же не знает, что у него в подвале творится.

– Надо его предупредить! – сказал Алешка, и мы бросились навстречу машине, размахивая руками так, будто собирались остановить курьерский поезд у разрушенного бурей моста.

Грибков затормозил и высунул голову в окошко.

– У вас там, в доме!.. – заорали мы. – Там такое случилось!..

– Что? Что случилось? Пожар?

– Там какие-то чужие люди... Чей-то дедушка без головы... Кто-то воет изо всех сил... По-английски ругаются.

Вместо того чтобы испугаться, Грибков тоже сначала ругнулся, а потом рассмеялся:

– Фу! Ну вы даете! Да это мои дураки охранники развлекаются. Делать им нечего – английский изучают, я им аудиокассеты подарил.

Он улыбнулся во весь рот, но глаза у него были сердитые и озабоченные.

– Идите, дети, занимайтесь своими делами.

И он поехал к дому. А в машине у него – опять большие коробки, на которых нарисованы банки с пивом и пельмени с мясом.

Мы пошли домой. Немного смущенные, с одной стороны, и сильно задумчивые – с другой. Объяснение Грибкова нас не убедило.

– Врет он все, – сказал Алешка. – По глазам видно.

Мама развешивала белье на веревке, папа сидел с газетой на ступеньках дома. Родители нам обрадовались.

– Какое счастье! – сказал папа, сворачивая газету.

– Какое? – недоверчиво спросили мы, чувствуя очередной подвох.

– Огромное, – улыбнулся очень довольный папа. – Мама затеяла стирку, и у нее опять кончилась вода. – Папа сладко потянулся. – И она хотела послать меня к колодезю.

– Ну и сходил бы, – буркнул Алешка, – раз такое счастье привалило.

– Счастье не в том, – сказал папа. – Счастье в том, что вы вовремя вернулись. Берите ведра.

– Да? Мы сегодня уже ходили за водой. Твоя очередь.

– А у меня выходной!

– А у меня не бывает выходных, – сказала мама, встряхивая мокрую простыню. – Заодно обменяйте баллоны для плитки.

Ничего себе – заодно! Колодец вон на том конце поселка, а обменный пункт вообще в другом месте. В поселке городского типа.

Но спорить было бесполезно. У них ведь три высших образования. Против одного нашего неполного среднего.

Мы взяли три ведра и, нарочно погромче ими брякая, пошли на колодец.

Вообще-то я люблю за водой ходить. Мне нравится, когда пустое и звонкое ведро, стучась боками о сруб, опускается в темную прохладную глубину колодца. Нравится, как оно там всплескивает, достигнув воды, как оно молча тонет и тяжелеет. А когда поднимаешь ведро, вращая скрипучий ворот, то с него звучно падают в далекую глубину тяжелые холодные капли. Но особенно мне нравится переливать воду в свое ведро. Вода – свежая, чистая, с каким-то особым глубинным запахом – падает тяжелой тугой струей, а ледяные ее брызги, как ни старайся, обязательно попадают на ноги.

Я люблю за водой ходить. Только почему-то приходится это делать всегда не вовремя. Только, например, размечтаешься о чем-нибудь интересном после обеда, а тут вдруг откуда ни возьмись: «Дима! У меня вода кончилась!»

Ни разу в жизни не было так, чтобы пришлось идти к колодезю именно тогда, когда этого хочется...

Мы набрали воды, облились, конечно, с головы до ног и не спеша пошли на свой участок. По дороге несколько раз останавливались отдыхать и попить прямо из ведер – даже зубы ломило и дыхание перехватывало, такая отличная была вода.

Я бы, конечно, смог дотащить ведра и без остановки, да Лешку жалко. У него хоть ведро и самое маленькое, но ему все равно тяжело. Душераздирающее зрелище: весь изогнется в сторону, одна рука, как семафор, отставлена, другая, с ведром, так натянута под его тяжестью, что вот-вот лопнет. Ноги друг за друга цепляются, вода на них из ведра щедро плещется, кроссовки все мокрые, глаза от напряжения – вот такие круглые, и хохолок на макушке торчит... Где у нашей мамы глаза? А у папы сердце?..

Оставив ведра у пожарного щита, мы зашли навестить Пал Данилыча. Новости узнать. Он только что приехал на своей телеге с поля, накопил там травы для кроликов. Лешка сразу же взялся их кормить, а я Пал Данилыча расспрашивать.

– Вчера ночью кто-то так выл в овраге, – начал я издалека.

– В овраге... – хмыкнул Пал Данилыч, усаживаясь на бревно и доставая папиросы. – Ну ты, парень, сказанул! Кто ж это в овраге выть будет, больно надо. Это все в том дому...

– А там-то кто может выть? – удивился я изо всех сил.

Лешка увлеченно совал в кроличьи клетки траву, успевая погладить вертевших возле него собак, а одно ухо направил на нас.

Пал Данилыч на мой вопрос покрутил головой и ответил:

– Откуда же мне знать? Кому надо, тот и воет. Только не нравится мне этот дом. От него одни напасти. И то сказать: сегодня он воет, а завтра что, кусаться станет, да?

– Кто станет кусаться? – насторожился Алешка.

– А кто воет!

Объяснил. Яснее не скажешь.

В общем, мы поняли одно: никто нам в этом деле не поможет. Самим придется разбираться.

Мы забрали ведра, а дома нас уже ждали баллоны. Правда, папа дал нам денег и сказал, чтобы в поселке мы купили себе на сдачу от баллонов чего-нибудь, чего хочется. А мне лично хотелось запустить эти баллоны в овраг и удрать на карьер купаться.

По Лешкиным глазам я понял, что наши желания совпадают. А по маминым – что она эти желания насквозь видит.

– Никаких карьеров! – отрезала она, выставляя баллоны на ступеньки. – За удовольствия надо платить.

Глава IV

«ВАМПИР НА ПОМОЙКЕ»

В поселок городского типа под названием Белозерский надо идти сначала через весь наш дачный поселок, потом чистым полем под горячим солнцем, потом тенистой лесной дорогой. И никакого белого озера по пути нет. Пал Данилыч говорил, что оно когда-то было и поселок Белозерский стоял прямо на его берегу. Но озеро до наших дней не сохранилось. А поселок сохранился, правда, плохо. Он сильно постарел с той поры, облупился, деревья в нем зачахли, скверик перед бывшим кинотеатром, где теперь расположилась какая-то фирма, засорился вековым мусором, и только перед главным зданием, похожим на купеческий комод, было чисто подметено и даже побрызгано водой. Здесь находилась поселковая милиция, и она, силами задержанных правонарушителей, приводила в порядок прилегающую территорию.

А вообще в поселке было жарко, пыльно и пустынно. Лишь на рынке процветала и кипела бурная жизнь. Мы отыскивали газовую палатку, обменяли баллоны и пошли вдоль рядов «посмотреть кой-какого товару».

И тут вдруг получилась неожиданная встреча. Из киоска, где торговали видеокассетами, вышел наш загадочный знакомый Грибков. Повернулся, что-то сказал кому-то внутри палатки и направился к другому такому же киоску.

Мы, не сговариваясь, укрываясь за спинами и сумками покупателей, двинулись за ним.

В киоске Грибков пробыл недолго. Осмотрел хозяйским глазом полки и витрины, о чем-то поговорил с продавцом и, вытащив из-за пояса свою черную тетрадь, показал ему какую-то страницу. Продавец взглянул на нее, побегал пальцами по калькулятору, согласно кивнул, достал откуда-то сверток – небольшой, но толстый – и передал его Грибкову. Деньги, сразу сообразили мы. За видеокассеты. Значит, хозяин Мрачного дома где-то достает по дешевке видеокассеты, отдает продавцу, тот их подороже продает и сдает Грибкову выручку, что-то, конечно, и себе оставляя. Обыкновенный рыночный механизм.

Выйдя из киоска, Грибков сказал: «Будь здоров, Васек» – и пошел дальше, но больше никуда не заходил, только купил большую бутылку воды и блок сигарет. Потом сел в машину и уехал, пыля колесами, вдаль.

Проводив его, мы бегом вернулись к киоску, поставили надоевшие баллоны на землю и, открыв рты, стали рассматривать выставленные на продажу видеокассеты.

– Выбрали что-нибудь, хлопцы? – спросил нас продавец Васек. – Есть классные ужастики. Волосы дыбом, зубы стучат, и к маме хочется!

– Огласите, весь список, пожалуйста, – сказал я с важностью состоятельного покупателя.

Продавец кинул взгляд вправо-влево и почему-то шепотом стал перечислять:

– «Вампир на помойке», «Плюнь на дедушку», «Злобный, зубастый, ужасный», «Призрак на руинах», «В плену у гномов»...

– Это у нас все есть, ерунда.

– Не завирайся, хлопец, – рассердился Васек. – Есть у него! Да я их только вчера получил. Я пренебрежительно хмыкнул.

– Вы их получили от посредника, а я из первых рук. – Что-то внутри просто толкало меня на это вранье ради правды. – От господина Грибкова.

Продавец сразу сменил свой тон:

– От Грибка?

– Мы соседи по даче, – небрежно ответил я, скучающим взглядом продолжая разглядывать кассеты. – Он нам первым дает просматривать все новенькое.

Продавец засмеялся от души:

– Эксперимент проводит. На качество и спрос. Вы у него юные эксперты! Что же вам предложить? «Плюнь на дедушку» правда смотрели? Высший хай!..

«Горячий хот-дог», – подумал я.

– Там два монстра отгрызают старикану голову и гоняют ее клюшками по полю.

Я чуть не сел прямо на баллон: одна тайна начала разгадываться. Хорошо, что Лешка меня выручил:

– А у вас наших мультиков нет, старых?

– Кому они нужны? – презрительно отмахнулся продавец.

– Мне, – серьезно сказал Алешка.

– Закажу... Попробую... – неуверенно пообещал Васек. – На них ведь нет спроса.

Баракло.

Алешка пожал плечами, нагнулся за баллоном и, отойдя немного, тихо спросил:

– Дядь, ты дурак? – и помчался к выходу с рынка. Я со своим баллоном за ним.

Продавец, конечно, не побежал за нами, а только покричал вслед в том же духе.

– Соображаешь? – рассердился я, когда мы отдышались. – Могли бы еще что-нибудь выведать у него полезное.

– Мы и так все узнали, – сказал Алешка.

– Ну и что? Он бы нам еще пригодился. Зачем ты его обругал?

Алешка помолчал – по глазам видно, – возмущаясь моей недогадливостью.

– Вспомни Штирлица. Он говорил: запоминается в разговоре всегда последняя фраза.

– Ну и что? – все еще не понимал я.

– Что, что? Станут они с Грибком разговаривать. Васек скажет:

«Вот, значит, пацаны заходили, соседи ваши по даче». – «А что им надо?» – «Да ничего.

Обозвали дураком и убежали».

Логика, конечно, в его словах и действиях была. Но логика глупая. Продавец этот теперь нас хорошо запомнит. По последней фразе. Когда тебя дураком обзывают, это долго не забывается.

Тут мы еще вспомнили, что ничего не купили на сдачу, осторожно, как партизаны, вернулись на рынок, выбрали небольшой моток лески, два поплавка и крючки. А по дороге домой вырезали в овраге, где росли длинные кусты орешника, два удилица.

Родители нам искренне обрадовались.

– По глазам вижу, – сказала мама, – что за баллонами вы в Москву ездили.

– А по времени, – прибавил папа, не отрываясь от газеты, – пешком ходили. В Петербург.

– А ты вообще что тут делаешь? – рассердился на эти упреки Алешка. – Почему не на работе? У нас-то каникулы.

И тут папа обронил, не отрываясь от газеты, странную фразу:

– С чего ты взял, что я не на работе?

И сказал он это таким тоном, что сразу стало ясно: уточнять нет никакого смысла, все равно ничего больше от него не услышишь.

Я подключил к плитке свежий баллон, отрезал кусок хлеба для наживки, мы наладили удочки и пошли на карьер.

Это очень красивое место. Живописное. Похожее на дикий каньон, как в фильмах про ковбоев.

Когда-то здесь добывали песок и вырыли экскаваторами громадную яму, в которой сохранилась дорога в самый низ для самосвалов. Она обвивала склоны, как большая змея, а все вокруг уже начало зарастать дикими травами и кустарниками, а на самом дне была чистая-пречистая вода, кое-где со стройными мохнатыми камышами по берегам. Озерцо такое полу-

чилось. Полное всяких удовольствий. И поглядеть на него приятно, и искупаться здорово, а уж карасей здесь развелось – хоть руками лови.

Мы наживили и забросили удочки и стали вполголоса, чтобы не спугнуть рыбу, обсуждать свои детективные дела.

– Никаких англичан в подвале нет, – сказал я, уставясь на поплавок. – И безголового привидения скряги-дедушки с монстрами тоже. Это мы слышали отрывок из ужастика...

– «Плюнь на дедушку», – уточнил Алешка. – И в тот раз, когда они орал в доме, тоже не было никаких преступлений. Опять какой-то ужастик по виду.

– Это, я тебе скажу, парень, – задумчиво проговорил я любимую фразу Пал Данилыча. – Не так все просто. Ты же сам сказал – ни видака, ни телевизора в доме нет.

– В доме нет, – согласился Алешка, перебрасывая удочку. – Все у них в подвале.

– А зачем такие сложности? Зачем это скрывать? Ну любит этот Грибков смотреть ужастики, ну и что? Вон наш сосед из квартиры напротив «Сникерсы» любит, но не стесняется же?

Алешка не ответил, потому что рванул удилище вверх, выдернул здорового золотого карася, снял его с крючка и опустил в полиэтиленовый пакет с водой. А у меня не клевало.

– По-моему, Дим, – сказал он, снова забрасывая удочку, – здесь какая-то тайна. И мы ее должны разгадать. – Он тут же выхватил еще одного карася.

А я подумал, что никакой тайны здесь нет и в помине. Просто Грибков устроил в Мрачном доме производство ужастиков на кассетах, размножают их и переводят на русский язык эти «охранники», а потом Грибков распределяет готовые кассеты по своим торговым точкам и собирает денежки. Вот и все.

И я сказал об этом Алешке, когда он отправил очередного карася в битком набитый пакет. А у меня никак не клевало.

– Вот и не все, – не согласился Алешка. – Во-первых, почему они все это делают в секрете? – это раз. Во-вторых, кто бродит вокруг дома с фонарем и хромает? – это два. А три, – он выдернул еще одну рыбку, – кто там воет по ночам?

Да, на эти вопросы ответов у нас не было. Мы смотали удочки, искупались и пошли домой.

Когда мы поднимались наверх бесконечной песчаной лентой дороги, в карьере уже стемнело. Небо отсюда казалось почти черным, и на нем засияли звезды. А наверху было пока светло. За лесом, между ветвями деревьев еще поблескивали лучи заходящего солнца и звезды были еле видны тусклыми пятнышками. И ласточки мелькали высоко над землей.

– Это на завтрак. – Алешка протянул маме тяжелый пакет, в котором, как селетки в банке, сплотились караси.

– Где это вы их купили? – спросила мама. – И почему?

Мы так обиделись, что молча выпили чай и молча забрались на свой чердак. И такую почувствовали вдруг усталость, что даже за бинокль не взялись. Повалились на свои матрасы и погасили фонарик.

– Не люблю я этих «кассетников», – проворчал Алешка, задремывая. – Они своими ужастиками только детей пугают...

Алешка в свое время, когда эти ужастики только появились, как и все ребяташки, сначала очень ими увлекся. Но очень быстро охладел. «Ерунда, – говорил он сердито, – глупости одни, для одного только страха, а пользы никакой. Я настоящие сказки люблю, в которых смысл есть».

– ... В нашем классе Вовка Смирнов до того насмотрелся, что спать ночью перестал. И уши у него стали дергаться. Его за это Чебурашкой прозвали. А им хоть бы что – лишь бы деньги собирать.

Поумнел братец, рассудительный стал. И тут он меня еще больше удивил.

– Да, я люблю настоящие сказки. Чтобы польза от них была. И смысл такой, чтобы что-то в жизни узнавать.

– Интересно, – хмыкнул я. – Ну, ладно, в «Репке» есть смысл. О коллективном труде и взаимопомощи. А «Колобок»? Бессмыслица. Катился, катился, от всех удирал, а Лиса его съела.

Алешка прямо вскипел:

– Ну и лопух же ты, Дим. Да в этой сказке знаешь сколько мудрости! – И я даже в темноте ощутил, как слетела с него дрема и он вскочил на своем матрасе, задев макушкой крышу. – Во-первых, в этой сказке говорится, что на всякого хитреца свой хитрец все равно найдется...

– Подумаешь, мудрость, – фыркнул я.

Тут в его голосе даже какая-то жалость ко мне прозвучала за мою темноту и серость.

– Дим, ты что, притворяешься? Правда, не понимаешь? Ведь Колобок – это солнышко. Катится, катится по небу, за одну тучку забежит, другая его скроет, а оно все равно вырывается и светит. От Зайца ушел, от Волка ушел...

– А от Лисы? – съехидничал я. – Это что, туча грозовая, на все небо?

– Дим, ты дурак? – Алешка не выдержал и обозвал меня, как Васька на рынке. Видно, во всей этой истории с ужастиками что-то здорово его задело. – Это не Лиса! Это закат. Как солнышко ни бегаешь, а садиться вечером все равно надо! Понял?

Вот это да!

Для меня действительно эта простая и, как я думал раньше, глупая сказка открылась в своей мудрой глубине. И открыл ее мой младший братишка.

Да, что-то у меня сегодня совсем не клюет.

– Постой, Леха, – решил я так просто не сдаваться, – а как же утром? Раз Лиса его съела? А?

– Так это же сказка! Она утром опять начнется. С самого рассвета, с самого начала. Она навсегда. Понял? Тогда спи. – И он плюхнулся на матрас.

– Давно пора, – донесся снизу папин голос. – А как насчет «Курочки Рябы»? Имеешь версию?

– А ты не подслушивай, – буркнул Алешка.

– Ну мне же интересно, – признался папа. – Расскажи, будь другом.

– Завтра утром, – прервала их мама сонным голосом. – Будут вам яички не золотые, а простые.

С тем мы и уснули.

Глава V

ШИФРОВКА

Утром за завтраком в дружном семейном кругу Алешка объяснил нам мудрый смысл почти всех народных сказок. Когда он только в этом разобрался и так здорово поумнел? На папу это произвело такое сильное впечатление, что он тут же собрался в Москву. И вернулся к обеду, во-первых, с сумкой, набитой книгами сказок и видеокассетами с мультиками, а во-вторых, с маленьким телевизором и видеоплейером.

– На работе взял? – спросила мама. – А стиральная машина где?

– Бредет от станции, – отмахнулся папа, – окрестностями любитесь. – И стал расставлять на окне книги и кассеты: – Хочу восполнить пробелы в своих образованиях, – как-то непонятно объяснил он. – И вам вечерами нескучно будет, станете мультики гонять. Это очень полезно для обогащения вашего этического потенциала.

Во загнул наш родитель! Но как он ни старался, мы все-таки заподозрили, что дело совсем не в этом. Тем более что среди кассет с нашими старыми добрыми сказками мы заметили уже известных нам от Васька и Грибка «Вампира на помойке», «Призрака на руинах» и «Плюнь на дедушку».

– Вот, – вызвался довольный папа, расставив книги и кассеты, – можно продолжать ваше воспитание и мое образование. – И почесал лысеющую макушку: – Ах ты! Сигареты забыл купить, придется в Белозерский идти.

– Давай мы сбегает, – вызвался Алешка. – Куда тебе с твоей ногой?

– Еще чего! – возразил папа. – Стану я собственных несовершеннолетних детей гонять за сигаретами. Дохромаю потихоньку. А потом купаться пойдем.

Мы с Алешкой переглянулись. Он мне подмигнул, а я ему чуть заметно кивнул.

И когда папа скрылся в конце улицы, мы сказали маме: «Сбегает к Пал Данилычу» – и быстренько, прячась за огородами, двинулись следом.

Сначала, когда папа шел, прихрамывая и насивистывая, по нашему поселку, следить за ним было легко, а потом, когда он вышел в поле, появились трудности. Но мы их преодолели – завалились в траву и решили подождать, когда папа доберется до леса: все равно от нас не уйдет, догоним.

Папа шел себе не спеша, а за его спиной торчали над густыми травами две головы.

– Сигареты достал, – сказал Алешка, – оглянулся, закуривает.

Ага, не зря мы его заподозрили.

В поле, в пахучей траве, было так хорошо под синим солнечным небом, что никуда не хотелось идти, не хотелось расследовать никакие тайны.

Хотелось просто лежать на спине и смотреть, прищурясь, в ясное небо, без облаков, с одними только птицами, которые без усталости звенели в высоте и знойной тишине.

Прямо перед моим носом старательно карабкался по высокой тонкой травинке красивый зеленый жучок. Несколько раз он срывался с нее и падал вниз, и снова упрямо начинал свое – вот так вот ему нужно зачем-то – восхождение. Его упорство почему-то напомнило мне и наши усилия. Точно так же мы с Алешкой карабкаемся к вершине тайны, которую нам надо разгадать. А зачем? Я подумал, что сильно попал под влияние младшего брата. У него была цель, была какая-то идея. Он шел к ней, упорно, как жучок к вершине, и заставлял меня тянуться за ним...

– В лес входит, – сказал Алешка, покусывая сорванную травинку. – Пошли!

Пригнувшись, мы перебежали поле и погрузились в лес. Здесь стало прохладно. И птицы щебетали совсем по-другому, более беззаботно. Но тоже хотелось никуда не бежать, а постро-

ить под сенью деревьев «салаш», разложить перед ним костер и спокойно посидеть возле него, ни о чем не думая, а только наслаждаясь дарами природы в виде теней на траве, лесной прохлады, шелеста листвы и беспрестанного пения птиц.

Но мы опять полезли на верхушку травинки...

Теперь следить за папой было нетрудно. Мы перебежали от дерева к дереву, прятались за высокими пеньками и муравейниками, а то и просто бросались в колеи на дороге и пригибали головы, когда папа вдруг оборачивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.